

Гуцол С. Ю. Потенциал мифологического сюжета в нарративном самопроектировании личности / С. Ю. Гуцол // Горизонти освіти: Психологія. Педагогіка. Науково-методичний журнал. – Севастополь : СевМГУ ; Рібест, 2014. – № 3 – Т. 1 (42) – С. 40–45. – ISSN 2310-1520

УДК 159.9.015

Потенциал мифологического сюжета в нарративном самопроектировании личности

Гуцол Светлана Юрьевна

Статья посвящена изучению специфики организации сюжетов «мифологического типа» и осмыслению их места в общей совокупности сюжетов, конструируемых личностью в процессе нарративного проектирования. Среди характерных особенностей мифологических сюжетов циклического типа выделены пространственный многоуровневый изоморфизм и циклическая структура мифологического времени. Обосновано, что в процессе самопроектирования сюжет субъективной автобиографии определяется стремлением обретения целостности не только в рамках психологической, но и мифопоэтической типологии.

Ключевые слова: миф, нарратив, сюжет, сюжет «циклического типа», самопроектирование, фрактал.

Потенціал міфологічного сюжету в нарративному самопроектуванні особистості

Гуцол Світлана Юріївна

Статтю присвячено вивченню специфіки організації сюжетів «міфологічного типу» і осмисленню їх місця в загальній сукупності сюжетів, які конструє особистість у процесі нарративного проектування. Серед характерних рис міфологічних сюжетів циклічного типу виділено просторовий багаторівневий ізоморфізм і циклічну структуру міфологічного часу. Обґрунтовано, що в процесі самопроектування сюжет суб'єктивної

автобіографії визначається прагненням до цілісності не тільки в рамках психологічної, але й міфопоетичної типології.

Ключові слова: міф, наратив, сюжет, сюжет «циклічного типу», самопроекування, фрактал.

Potential of mythological plot in a narrative self-projection of personality

Gutsol S.Y.

Abstract. The article studies organization features of «mythological type» plots as well as the understanding of their significance in all plot types complex, constructed by a personality in process of narrative self-projection. To describe the behavior of an individual, which borrows models and tactics from fiction literature, the author uses the concept of «literature-oriented behavior», worked out by O. N. Turyшева, which is in its genesis a particular case of implementation of the universal plot invariant, that is the «cyclic plot-generating model». Space multilevel isomorphism and cyclic structure of mythological time are highlighted among the features of cyclic type mythological plots. It is shown that in the process of self-projection the world literature basic plots with mythological roots plays an important role. The author presents a concept of interpretation of mythological narrative potential in the process of self-projection, based on the application of a fractal approach to a myth's understanding. The article proves that in the process of self-projection a plot of a subjective autobiography is determined by the attempt to gain integrity not only within psychological, but also mytho-poetical typology.

Keywords: myth, narrative, plot, «cyclic type» plot, self-projection, fractal.

Постановка проблеми. Актуальность исследования психологических закономерностей процесса самопроектирования личности предполагает изучение множества смысловых образований, стоящих за этим процессом. Условием и пространством самопроектирования выступают дискурсы.

Дискурсивные способы проектирования могут воплощаться как в тезарусной, так и в нарративной формах, а их запечатления, соответственно, могут приобретать различные конфигурации: от концепций, планов, сжатых схем (при тезарусном самопроектировании) до развернутых сюжетов (при нарративном). Согласно взглядам Ю.М. Лотмана, сюжет является мощным средством осмысления жизни. В контексте нарративного самопроектирования мы рассматриваем проект как сюжет будущей (возможной) истории. **Целью** данной статьи является изучение специфики организации сюжетов «мифологического типа» (квазимифологических, неомифологических, мифоподобных) и осмысление их места в общей совокупности сюжетов, конструируемых личностью в процессе нарративного проектирования.

Результаты теоретического анализа проблемы. В процессе самопроектирования важную роль играют базовые сюжеты мировой литературы, имеющие мифологические корни. Для описания поведения индивида, заимствующего модели и тактики из художественной литературы, О.Н. Турышева использует термин «литературно-ориентированное поведение» [12].

В генезисе литературно-ориентированное поведение является частным случаем воплощения универсального сюжетного инварианта, в литературоведении получившего название «циклическая сюжетообразующая модель». Такая сюжетная матрица восходит своими корнями к обряду инициации, в основе которого лежит символическое путешествие героя в царство мертвых и его последующее возвращение в мир живых.

Структуру этого сюжетного инварианта обычно интерпретируют как трех- или четырехчастную. В случае трехчастной трактовки сюжет понимается как состоящий из мотивов потери – поиска – обретения. При четырехчастной интерпретации матричная схема получает дополнительный мотив нового партнерства, которое приобретается героем после потери (ухода). Здесь прохождение героя через смерть (мотив поиска) может

отождествляться с фазой испытаний, а обретение – с преображением, содержанием которого является «изменение статуса» иницируемого.

Одним из видов литературно-ориентированного поведения является цитатное поведение. Исследуя цитатное поведение как частный случай модификации универсального циклического архсюжета, О.Н. Турышева выделяет пять составляющих его структуры:

- фазу кризиса, неудовлетворенностей, разочарований индивида;
- фазу поиска, выбора определенного литературного произведения и /или ситуацию непосредственного обращения нему;
- фазу «применения» человеком книжного знания в своей жизни (подражание автору книги, заимствование образа или имени литературного героя, принятие или отвержение книжной этики, цитация литературного жеста пр.);
- фазу переживания коллизии, возникающей в процессе привнесения книжного знания индивидом в свою жизнь;
- фазу преображения, которое можно рассматривать в качестве итога «книжной» деятельности индивида и может носить как позитивный характер в случае «комического», так и негативный – при «трагическом» типе финала архсюжета [12].

О «цитатной жизни» людей в мифологические времена размышляет в своем эссе о З. Фрейде Т. Манн. Архаического человека перед совершением какого-либо поступка он сравнивает с тореадором, который сначала ищет равновесие, чтобы затем точнее нанести смертельный удар. Так же и человек мифа перед любым своим действием сначала делает шаг назад, ищет пример в прошлом и, погружаясь в прошлое, словно в водолазный скафандр, защищенным и преображенным встречается с проблемами настоящего. [15, с. 15]. Мифологичность цитатного поведения обосновывает также в своих исследованиях С.В. Ольховикова [10].

Очевидно, что литературно-ориентированное поведение может рассматриваться в качестве важного фактора самоидентификации личности:

обращение субъекта к литературному материалу происходит с целью заимствования прецедентного образа (происходит узнавание читателем себя в персонаже или отождествление с ним). Таким образом, посредством обращения к литературной модели индивид формирует понимание собственного опыта.

Актантная цитация, безусловно, может выполнять и защитную функцию, функцию «маски-амплуа» (О.Н. Турышева) и использоваться субъектом в качестве модели формирования внешнего поведения. В процессе самопроектирования актантная цитация приобретает рефлексивную основу: цитирующий субъект из жертвы литературного «соблазна» (Ж. Бодрийар) превращается в интерпретатора первоисточника собственного поступка, своей экзистенциальной ситуации.

В постмодернистской традиции литературно-ориентированное поведение артикулируется скорее как следствие драматизма жизненной истории индивида: здесь уже не цитата формирует биографический сюжет (сюжет поведения), а, наоборот, сам биографический сюжет определяет необходимость цитаты. Также следует подчеркнуть, что на протяжении столетия поменялся и сам статус литературы как объекта подражания. Цитирующий субъект эпохи постмодерна в большей степени отдает себе отчет в условной природе литературного жеста, в иноприродности мира вымысла и отделенности его от мира действительности. Однако цитация мыслится им подчас как единственный модус подлинного жизнетворчества в драматическом пространстве реальной жизни. «Людям труднее всего, когда жизнь реальна» (Т.С. Элиот).

Согласно концепции И.П. Ильина, сама личность в постмодернизме может рассматриваться как литературная условность: «во-первых, восприятие сознания как текста, структурированного по законам языка, и, во-вторых, организация его как художественного повествования со всеми неизбежными последствиями тех канонов литературной условности, по которым всегда строился мир художественного вымысла» [6, с. 99–100].

Таким образом, в результате своего художественного обоснования сама личность приобретает те же черты литературной условности (кажмости, вымышленности), что и любое произведение искусства, которое с реальностью может быть связано лишь опосредованно и, следовательно, не может претендовать на верифицируемое, достоверное изображение и воспроизведение любого феномена реальности, в данном случае – реальности индивидуального сознания.

Сюжетные схемы человеческих жизней выстраиваются чрезвычайно многообразно. «Типическими» сюжетами А.Н. Веселовский считает только циклические сюжеты, жизненные циклы которых представляют собой последовательности типичных выборов. Согласно его взглядам, жизненные циклы очень похожи на деревья разветвляющихся сюжетных схем, на сказочные дороги, на перепутья которых периодически оказывается человек [2].

Внутри циклического сюжета различают архетипическую схему, лежащую в основе большинства литературных произведений. О.М. Фрейденберг выделяет два подвида (в зависимости от типа героя) циклического сюжета: солярный и вегетативный. Протагонистом солярного сюжета является активный герой – Солнце, которое спускается в преисподнюю, борется с врагами и выходит победителем. Протагонистом вегетативного сюжета является пассивный герой Дерево. Традиционная схема этого сюжета содержит следующие элементы: умирание – страдание – воскресение [13]. Со взглядами О.М. Фрейденберг соотносится также позиция П.А. Гринцера, согласно которой в основе мифологического сюжета лежит циклическая схема: преследование – замена – поиск – борьба – ад – победа [5]. В сокращенном виде ее можно представить как: потеря – поиск – обретение.

С точки зрения Н.В. Вольского, внутри сюжета «циклического типа» человеку не свойственны сомнения относительно выбора своего жизненного пути, так как сами его жизненные цели не являются предметом выбора в

принципе (они хорошо известны, как естественно существующее); а направление жизненного пути полностью детерминируется тем конкретным положением, в котором человек находится [3].

Отклонение от пути по собственной инициативе для «циклического человека» является абсолютно бессмысленным актом. Изменить направление этого движения способна лишь какая-нибудь внешняя причина, которая может препятствовать его продвижению к цели. В этом смысле, «циклический человек» похож на гомеостатически управляемый автомат, действия которого в каждый момент определяются несоответствием, рассогласованием между заданными и текущими (фактическими) значениями управляющего параметра. В тоже время, судьба человека, выступающая в совокупности его различных жизненных обстоятельств, (в виде определенной среды, внутри которой он вынужден действовать и которую он не способен выбирать по собственному желанию), постоянно затрудняет приближение человека к своей цели, уклоняя его в сторону.

Многочисленные мифологические нарративы и волшебные сказки строятся по следующему образцу: кто-то перед героем ставит трудные задачи, а он, чтобы не лишиться жизни и/или счастья, вынужден, их решать, преодолевая все возможные и невозможные препятствия. Здесь еще раз подчеркнем, что самому герою не может ни с того, ни с сего прийти в голову идея отправиться на какие-либо подвиги. Никакие подвиги, не связанные для «циклического человека» с его собственным жизненным путем, не могут иметь для него абсолютно никакого смысла.

В русле обсуждаемого вопроса Н.В. Вольский акцентирует внимание на том, что «циклический человек» не стремится к завоеванию каких-либо новых высот, а всецело направлен на восстановление своего исходного состояния. При этом финальная награда (полцарства, женитьбы на царской дочери) никогда не являются самостоятельной целью, к которой герой стремился, а лишь почетным званием, подтверждающим его достоинства.

В сказках часто содержится вопрос о том, что же делать человеку, если судьба ставит его в такую ситуацию, такое положение, из которого нет возврата на известный жизненный путь, ведущий к цели. Предлагаемый сказкой ответ может полностью противоречить привычным для современного человека представлениям: нужно решиться поступать в соответствии с собственными склонностями (ресурсами), и если при этом внутренняя сущность будет уводить в сторону от общего пути, следуй указываемому ею направлению.

«Линейный человек» оказавшись в новой, незнакомой, проблемной ситуации, старается простроить свои жизненные ориентиры, начиная с выбора целей, которые он хочет достичь, и оптимальных путей и способов их достижения: проблему выбора направления движения для линейного человека можно охарактеризовать как одну из значимых в его духовной жизни. Как было показано выше, перед «циклическим человеком» такие проблемы никогда не возникают. Единственно доступный ему тип выбора, который он должен постоянно совершать, это выбор одного из возможных общеизвестных способов реагирования на возникающие обстоятельства, которые, в свою очередь, также являются для него знакомыми и типичными.

Как уже обсуждалось ранее, одной из характерных особенностей мифологических сюжетов циклического типа является изоморфизм различных уровней структуры текста. При этом, то, что с точки зрения современного сознания является различимым, расчлененным, подлежащим сравнению, в мифе выступает как вариант единого события или персонажа.

В нарративах мифологического типа событийный ряд может разворачиваться с любого места, и, в одинаковой мере, любой эпизод может актуализировать всю цепочку. «Рассказ можно начинать со смерти (посев и гибель зерна предшествует произрастанию, зачатие – тождественное смерти – рождению, которое есть возрождение умирающего, зима – весне). Смерть может быть расположена в середине существования (ср. инициацию), после

чего происходит коренное перерождение, но существенным остается продолжением прежнего события, а не проявление нового» [8, с. 225].

С точки зрения Ю.М. Лотмана, время в мифе мыслится не линейным, а замкнуто повторяющимся, при этом, каждый из фрагментов, эпизодов, элементов цикла понимается как многократно повторяющийся в прошлом и способный бесконечно повторяться в будущем [8]. В контексте обсуждаемого вопроса, М. Элиаде выдвигает идею вечного возвращения и многократности совершения мифического события. «Священное Время» (М. Элиаде) по своей природе является обратимым, оно может возвращаться и повторяться бесконечное множество раз [14].

Таким образом, в результате пространственного многоуровневого изоморфизма и циклической структуры мифологического времени каждая точка мифологического пространства и человек, в ней находящийся, обладают тождественными проявлениями с изоморфными им участками других уровней. Принцип изоморфизма, выраженный в своем предельном варианте, сводит все возможные сюжеты к единому общему сюжету, инвариантному как всем мифопоэтическим возможностям, так и всем возможным эпизодам этих повествований.

При этом в своем предельном случае все разнообразие поведенческих стратегий, социальных ролей и пр. в мифе «сворачивается» в единый персонаж. И если в тексте линейного типа различные свойства, выступающие как контрастные и взаимоисключающие, воплощаются во враждебных персонажах, то внутри мифа они отождествятся в едином амбивалентном образе. И, чем проявленней круг персонажей в современном нарративе сводится к единому персонажу, тем больше этот текст приближается к мифологическому типу структурной организации сюжета.

В связи с этим, Ю.М. Лотман подчеркивает, что «в силу специфических пространственно-топологических атрибуций построения мифологических сюжетов, им присущи структурные закономерности гомеоморфизма. Это приводит к созданию элементарно-семиотической

ситуации: всякое сообщение должно интерпретироваться, получать перевод при трансформации его в знаки другого уровня.

Поскольку микрокосм внутреннего мира человека и макрокосм окружающей его вселенной отождествляются, любое повествование о внешних событиях может восприниматься как имеющее интимно-личное отношение к любому из аудитории. Миф всегда говорит обо мне» [8, с. 227].

С нашей точки зрения, потенциал мифа (мифологического нарратива) в процессе самопроектирования, наглядно раскрывает фрактальный подход, согласно которому устройство мифа можно описать в терминах фрактала – структуры, состоящей из частей, которые в каком-то смысле подобны целому (Б. Мандельброт). Подчеркнем, что в современном гуманитарном дискурсе постепенно назревает вопрос о переходе к фрактальной картине мира и фрактальной парадигме, об очередной научном «повороте». В контексте обсуждаемой проблемы, В.В. Тарасенко считает, что именно фрактальные структуры указывают на «динамику смыслов» дискурсивной системы [11].

И, даже более того, в современном социокультурном пространстве формируется особый «фрактальный нарратив» как «способ создания современным человеком повествований, концептов, познавательных культурных практик» [11, с. 45]. Подобно мифу фрактальный нарратив «способен преодолевать» такие параметры текстовой реальности как конечность и линейность. Фрактал объединяет в себе две основополагающие идеи, два важных принципа: иерархической упорядоченности и подобия части и целого. Обе эти идеи указывают на определенные статические параметры (на признаки формы, структуры). Однако, в то же самое время, эти принципы характеризуют процессы зарождения, формирования, становления, развития всевозможных сущностей. Таким образом, третий базовый принцип является следствием первых двух – универсальный принцип движения и динамического роста. Здесь подобие выполняет роль мощнейшего динамического фактора, импульса, толчка, провоцирующего движение и изменение (алгоритм развития и роста). В качестве общего

фрактального признака можно выделить наличие рекурсивной процедуры генерации фрактала и (бес)конечного процесса автопоэзиса.

Термин «автопоэзис» (Ф. Варела. У. Матурана) означает «само-производство», «само-строительство». Согласно концепции Е.Н. Князевой, автопоэтичность работы сознания представляет собой непрерывное самопроизводство, поддержание собственной идентичности за счет постоянного поиска и ее становление [7]. В автопоэзисе всегда присутствует не только сохранение определенного состояния, но и его постоянное преодоление и обновление. С точки зрения О.И. Генисаретского, самым важным в концепции автопоэзиса является чувствительность к коэволюции, взаимосвязанному и параллельному протеканию, как личностных процессов, так и процессов творческой деятельности. «Под внешней упаковкой предметности в ней разыгрывается мифопоэтическая экодрама, с тем или иным сюжетом ее» [4, с. 163].

Выводы. Можно заключить, что в процессе самопроектирования сюжет субъективной автобиографии определяется стремлением обретения целостности не только в рамках психологической, но и мифопоэтической типологии. И, несмотря на, казалось бы, очевидную победу принципа историко-бытовой (линейной) нарративности в современном обществе именно в области искусства и литературы актуализация мифопоэтического сознания, воспроизводство мифологических структур продолжают сохранять чрезвычайно важное значение, обеспечивают «живой» диалог человеческого сознания с миром реальности и могут служить основанием дискурсивного знания как такового. «Сознанию и воле, мысли и чувству негде более расти и зреть, иначе как в теле мифопоэтической традиции, в среде и потоке предания» [4, с. 163].

Список использованных источников

1. Белозерова Н. Н. Теория гипертекста : кажущиеся противоречия / Н. Н. Белозерова // Вестник ТГУ. – Тюмень : Изд. Тюм ГУ, 2000. – № 4. – С. 64–69.

2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 408 с. (Сер. «[Классика литературной науки](#)»).
3. Вольский Н. В. Иван-Дурак, или Первобытная диалектика жизненного пути / Н. В. Вольский // Независимый бостонский альманах «Лебедь». – 2007. – № 521. – [Электронный ресурс]. – режим доступа : <http://lebed.com/2007/art4956.htm>
4. Генисаретский О. И. Внемля себе. О человеке в зеркале мифопоэтической традиции / О. И. Генисаретский // Ориентиры / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. Т. Б. Любимова. – М. : ИФРАН, 2007. – Вып. 4 – С. 162–185.
5. Гринцер П. А. Эпос древнего мира / П. А. Гринцер // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира : сборник статей. – М. : Наука, 1971. – С. 134–205.
6. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия : эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 256 с.
7. Князева Е.Н. Синергетически конструируемый мир / Е. Н. Князева // Синергетика : Будущее мира и России / под. ред. Г. Г. Малиновского. – М., 2008. – С. 42–56.
8. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн : «Александра», 1992. – с. 480.
9. Николаева Е. В. К типологии фракталов в теории культуры / Е. В. Николоева // Вестник адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение. – 2013. – Вып. 1. – С. 46–54.
10. Ольховикова С. В. Мифологическая структуризация культуры / С. В. Ольховикова // Человек в мире культуры. – 2012. – № 1. – С. 20–30.
11. Тарасенко В. В. Человек кликающий : фрактальные метаморфозы / В. В. Тарасенко // Информационное общество. – 1999. – Вып. 1. – С. 43–46.

12. Турышева О. Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы / О. Н. Турышева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011 – 284 с.

13. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 449 с.

14. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде ; пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

15. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг ; пер. с нем. А. А. Спектор. – Минск : Харвест, 2004. – 400 с.

References translated and transliterated

1. Belozerova N. N. Teoriya giperteksta : kazhushchiyesya protivorechiya [Hypertext theory : the apparent contradictions] / N. N. Belozerova // Vestnik TGU. – Tyumen' : Izd. Tyum GU, 2000. – № 4. – S. 64–69.

2. Veselovskiy A. N. Istoricheskaya poetika [Historical Poetics] / A. N. Veselovskiy. – М. : Vysshaya shkola, 1989. – 408 s. (Ser. «Klassika literaturnoy nauki»).

3. Vol'skiy N. V. Ivan-Durak, ili Pervobytnaya dialektika zhiznennogo puti [Ivan the Fool, or Primeval dialectic way of life] / N. V. Vol'skiy // Nezavisimyy bostonskiy al'manakh «Lebed'». – 2007. – № 521. – [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa : <http://lebed.com/2007/art4956.htm>

4. Genisaretskiy O. I. Vnemlya sebe. O cheloveke v zerkale mifopoeticheskoy traditsii [Heeding currently. About a man in the mirror mythopoetic tradition] / O. I. Genisaretskiy // Oriyentiry / Ros. akad. nauk, In-t filosofii ; otv. red. T. B. Lyubimova. – М. : IFRAN, 2007. – Vyp. 4. – S. 162–185.

5. Grintser P. A. Epos drevnego mira [Epics of the ancient world] / P. A. Grintser // Tipologiya i vzaimosvyazi literatur drevnego mira : sbornik statey. – М. : Nauka, 1971. – S. 134–205.

6. Il'in I. P. Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya : evolyutsiya nauchnogo mifa [Postmodernism from its origins to the end of the century : the evolution of scientific myth] / I. P. Il'in. – М. : Intrada, 1998. – 256 s.

7. Knyazeva E. N. Sinergeticheski konstruiruyemyy mir [Synergistically constructible world] / E. N. Knyazeva // Sinergetika : Budushcheye mira i Rossii / pod. red. G. G. Malinovskogo. – M., 2008. – S. 42–56.
8. Lotman Y. M. Izbrannyye stat'i v trekh tomakh. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Featured articles in three volumes. T. 1. Articles semiotics and cultural typology] / Y. M. Lotman. – Tallinn : «Aleksandra», 1992. – 480 s.
9. Nikolayeva E. V. K tipologii fraktalov v teorii kul'tury [On the Typology of fractals in cultural theory] / E. V. Nikoloyeva // Vestnik adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Regionovedeniye. – 2013. – Vyp. 1. – S. 46–54.
10. Ol'khovikova S. V. Mifologicheskaya strukturatsiya kul'tury [Mythological structuring of culture] / S. V. Ol'khovikova // Chelovek v mire kul'tury. – 2012. – № 1. – S. 20–30.
11. Tarasenko V. V. Chelovek klikayushchiy : fraktal'nyye metamorfozy [Person clicks : fractal metamorphosis] / V. V. Tarasenko // Informatsionnoye obshchestvo. – 1999. – Vyp. 1. – S. 43–46.
12. Turysheva O. N. Kniga – chteniye – chitatel' kak predmet literatury [The book – reading – reader of literature as a subject] / O. N. Turysheva. – Yekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2011. – 284 s.
13. Freydenberg O. M. Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of plot and genre] / O. M. Freydenberg. – M. : Labirint, 1997. – 449 s.
14. Eliade M. Svyashchennoye i mirskoye [Sacred and the secular] / M. Eliade ; per. s fr., predisl. i komment. N. K. Garbovskogo. – M. : Izd-vo MGU, 1994. – 144 s.
15. Yung K. G. Dusha i mif. Shest' arkhetyпов [Soul and myth. Six archetypes] / K. G. Yung ; per. s nem. A. A. Spektor. – Minsk : Kharvest, 2004. – 400 s.